

Говоря о своей жене, продавец весь как бы размяк, уголки губ приподнялись, будто вновь погрузился он в воспоминания о счастливых днях своей молодости.

Странный он был человек, рассказывая такое двум детям.

Вскоре он опомнился, что перед ним всего лишь отроки, и, возможно, слов его они не поймут. Он смущенно улыбнулся:

— Прошу прощения, увлекся я, забыл о приличиях.

Е Наньфэн покачал головой:

— Ничего. Видно, что вы с супругой в ладу живете, подобно моим родителям.

Е Наньмянь был в замешательстве. Разве его мать и отец в ладу жили?

Даже он видел, что они редко встречались, а уж если и сходились — то частенько из-за мелочей перепалка затевалась. Никак не понять было, откуда брат взял, что они близки.

Хотя он и не ведал, зачем брат ложь говорит, но подставлять его точно не собирался.

Продавец, конечно, не знал, что Е Наньфэн говорил неправду. Для отрока его возраста нормально сравнивать отношения с отношениями родителей, потому он и не сомневался, даже мимоходом заметил:

— Вижу я, что вы, молодые господа, воспитаны с любовью, и меж вами согласие царит. Полагаю, и родители ваши в ладах пребывают.

Беседуя, вскоре дошли они до небольшого дворика. Продавец постучал в ворота и громко возгласил:

— Матушка, это я, вернулся.

Затем дверь открыла пожилая женщина, спину горбившая. Из-за двери выглянул мальчуган, что радостно возопил:

— Папа, ты вернулся!

Едва дверь открылась, ребенок бросился в объятия отца. Старушка испугалась и молвила:

— Доу-доу, как ты можешь так шалить? Вдруг папа не поймает, упадешь ведь?

Хотя слова ее звучали как укор, ни капли в них не было злобы, а в глазах светилась улыбка.

Затем старушка взглянула на двух отроков за спиной сына и спросила:

— А это кто будет?

Хозяин, держа на руках сына, ответил:

— Матушка, эти молодые господа купить у меня кое-что желают. Рассказал я им о кинжале нашем, заинтересовались они, вот я и привел их взглянуть.

Старушка все еще сомневалась. Не могла она понять, как такие малые дети с неизвестным человеком идти посмели. Опасно это, коли у кого худые помыслы на уме.

— Почему же эти молодые господа не с взрослыми? Как же ты один двух детей повел? Что, коли беда какая приключится?

Хозяин поспешно вину признал:

— Так, так, матушка, права ты. Впредь не посмею. Тогда я молодым господам вещь ту покажу.

Он поставил сына на землю и ласково промолвил:

— Доу-доу, будь умницей, папа занят. Ступай, с братом и сестрой поиграй, ладно?

Малый с любопытством на двух братьев красивых взирал, а когда младший ему улыбнулся, обрадовался и уверенно кивнул:

— Ладно, папа.

Затем из дома вышли еще двое детей — отрок и отроковица. Отрок выглядел чуть старше Е Наньфэна, а отроковица была примерно одного возраста с Е Наньмянем.

Они тоже радостно возопили:

— Папа, ты вернулся!

Хозяин улыбнулся и спросил:

— Учились ли сегодня прилежно?

Дети хором ответили:

— Так, папа, мы как раз задания учительские выполняли.

Девушка добавила:

— Папа, отчего так скоро вернулся? — Узрев двух отроков за отцом, с удивлением на них

воззрилась.

Хозяин молвил:

— Подойдите, молодых господов поприветствуйте. Гости они мои.

Дети чинно поклон отдали, и Е Наньфэн с Е Наньмянем ответили тем же. Затем хозяин повел их кинжал посмотреть.

Малый Доу-доу думал, что красивый старший брат ему улыбнулся, потому что играть с ним хочет, но тот просто ушел. Отрок был разочарован.

Братья последовали за хозяином в покой, где кинжал хранился. Хозяин достал клинок черный, на коем цветы сливы черные вырезаны были.

Кинжал вид имел простой, но в нем скрытая сила чувствовалась. Тяжел он был, хоть и из дерева сделан.

Едва взглянув на него, Е Наньфэн почувствовал, что давно не испытывал столь сильного вожделения к вещи. Решил он, что купит его любой ценой.

В итоге Е Наньфэн договорился с хозяином, что оставшиеся деньги возвращать не нужно, а пойдут они в счет кинжала.

Хозяин был удивлен такой щедрости, и оба остались сделкой довольны.

Когда они вернулись на улицу, их уже слуги искали. Теперь Е Наньмянь мог снова покупать все, что ему нравилось, но стал разборчивее. Покупал лишь то, что и впрямь сердцу мило, ибо теперь ведал, как нелегко деньги достаются.

Братья еще немного по улицам прогулялись. Е Наньфэн был в духе прекрасном после кинжала приобретения, потому, когда Е Наньмянь яйца увидел, что круглые да белые, очень красивые, и захотел одно купить, Е Наньфэн рукой махнул и охотно ему его купил.

Увидел Е Наньмянь, как женщину свекровь из дома выгоняет, бьет и пинает, стерпеть не смог и слуге велел той женщине помочь.

Слуга рукой крепкой перехватил старуху, что замахнулась уже, да легонько толкнул — та на землю и грохнулась. Принялась тогда на земле биться да кричать, сквернословием воздух наполняя, отчего у троих брови затряслись, и хотелось им рот той старухе заткнуть.

Главное же, что, хоть они и помогли, благодарности от женщины не дождались. Напротив, та

на них троих, а особенно на слугу, руки приложившего, злобой воспылала, чуть ли не на него не кинулась, ругая на чем свет стоит. Слуга в испуге на несколько шагов отпрыгнул, а женщина, страха не чуя, вновь его оттолкнуть попыталась.

Слуга в сердце своем подумал: «Да я же помочь хотел!»

После сего Е Наньмянь сей неожиданный поворот принять не мог, все был печален. Е Наньфэн же, кинжал получив, в духе пребывал прекрасном, и никакая мерзкая старуха с неблагодарной снохой его не омрачила, ибо видал он подобного предостаточно.

Е Наньфэн, в духе пребывая хорошо, брата младшего утешить решил:

— Видя, что кто-то ошибается, если помочь не можешь, то в яму его не пихать — уже доброта; видя, что кто-то страдает, если утешить не можешь, то злорадствовать не надо — тоже доброта; видя, что кому-то трудно, если помочь не можешь, то бедой его не пользоваться — доброта; видя, что работа или учеба усилий требуют, если помочь не можешь, то мешать не надо — тоже доброта.

Хотел он добавить: «Видя, что страна в опасности, если помочь не можешь, то хотя бы предателем не становись — это доброта», но было бы сие для отрока, наследника княжества Сюаньци, неуместно. К тому же, пришлось бы объяснять, что такое «предатель», а это было бы излишним.

Главное, что в книге первоначальной главный герой, Е Наньмянь, настолько сильно героиню любил, что об обязанностях перед страной забывал. Е Наньфэн не хотел, чтобы брат его человеком стал, что лишь любовь видит и ничего более.

Потому он и подытожил:

— Так к чему печалиться, коли доброту твою не оценили? Главное — по совести поступать. Не стоит из-за неблагодарности других переживать. А-Мянь, ведь так?

Е Наньмянь кивнул, считая, что брат всегда прав. Быстро он о неприятном инциденте забыл и вновь вопросы задавать принялся, на новую тему полностью переключившись.

<http://bllate.org/book/15521/1379616>